

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

М.М. БАХТИНА¹

С.О. Копылов

Ключевые коллизии современной психологии могут быть разрешены на пути более глубокой трактовки диалогизма М.Бахтина как методологической парадигмы человековедения. С этой точки зрения анализируется его понимание феноменов личности, идеи, диалога и культуры как онтологических универсалий, определяющих друг друга. Показано, что эта трактовка может послужить основой целостного описания психической жизни в терминах взаимосвязи внутреннего и внешнего диалога. Обоснована методологическая значимость философской концепции В.С.Библера, плодотворно развивающей основные идеи Бахтина.

Ключевые слова: *идея, личность, внутренний диалог, диалог культур, самодетерминация.*

The author see the solution of key collisions of modern psychology in a more profound interpretation of Bakhtin's dialogism as a new methodological paradigm of humanities. The article analyze his concepts of personality, idea, dialogue and culture as mutual determined universal phenomena. On it's base the possibility of whole dialogical description of psychics is demonstrated. The author ground the methodological importance of V.S. Bibler's philosophy developing the main ideas of Bakhtin.

Key words: *concept, personality, interior dialogue, dialogue of cultures, self-determination.*

На наш взгляд, один из важных показателей состояния современной психологии - ее взаимоотношения с наследием Михаила Бахтина. Хотя

¹ Надруковано: Вопросы психологии. - №3. - 2011. - С.22 - 28.

отечественными и зарубежными психологами написано о нем немало, доля их работ среди необозримой Бахтинианы непропорционально мала. Порой это объясняют тем, что его идеи, во-первых, хорошо освоены, а во-вторых, не относятся прямо к нашей науке (исключая изданный в 20-х гг. «под маской» Волошинова критический очерк «Фрейдизм», авторство которого поныне считается спорным). При этом сам Бахтин, как известно, последовательно отмежевывался от психологизма в философии, лингвистике, литературоведении; современную же ему научную психологию склонен был упрекать (вслед за Достоевским) в том, что она говорит лишь *о* человеке, но не *с ним* самим. За этим, разумеется, стоит сквозная мысль всего творчества Бахтина: любое изучение человека должно быть *диалогом* с ним. Как же относится к этой мысли современная психология, каков ее ответ на давний бахтинский упрек?

Нет спора, в последние десятилетия концепты и идеи Бахтина все чаще используются в социально-психологических исследованиях, психологии личности, искусства, в психотерапии; не раз отмечалось и ключевое методологическое значение бахтинской категории диалога [6 - 19]. Но само слово «использование» невольно свидетельствует о распространенности *инструментально-утилитарного* подхода к его наследию (впрочем как и ко многим другим «классикам» - философии ли, психологии...). Часто тот или иной «фрагмент», изъятый из целостного контекста работ Бахтина – и, стало быть, неизбежно обезличенный, редуцированный в его смысловых потенциях – «встраивается» на отведенное ему служебное место в новой теоретической схеме или системе действий. Этот прием - вообще говоря, правомерный и порой необходимый - в данном случае разительно противоречит существу и направленности творчества Бахтина, подменяя и затрудняя принципиальное осмысление его методологической значимости именно как *целого* для психологии.

Между тем последнее, на наш взгляд, значимее (хотя и труднее), чем переформулировка в собственно психологических терминах отдельных

бахтинских высказываний из области *философской психологии*, всегда служившей источником плодотворных научных идей. И в той мере, в какой наиболее влиятельные направления зарубежной и отечественной психологии устремлены «мимо» или вразрез универсальной целостности «гуманитарного мышления» Бахтина [4, 59 - 67], его упрек в «заочном» подходе к человеку справедлив и поныне. Особенно это заметно на фоне «переоткрытия» его антропологической концепции мировой *социально-гуманитарной* мыслью последних десятилетий, для которой утверждаемое новейшей философией диалогическое видение человека все в большей мере становится исходной данностью, оттесняя структуралистские схемы. И, видимо, именно с устойчивой (порой бессознательной) приверженностью традиционно-позитивистской модели отношений «субъект-исследователь - объект» связано почти полное отсутствие попыток реализовать бахтинскую идею диалога в качестве исходного принципа построения системы психологического познания.

Не случайно ведь многие современные методологи объясняют ключевые противоречия и тупики психологии (впрочем, как и человековедения в целом) именно недостаточным преодолением тотальности естественнонаучно-объектной установки, неспособностью так или иначе сопрячь ее с собственно «человековедческой» - научиться иметь дело с субъектом как таковым, не теряя при этом ориентации на его рационально-научное постижение. Мучительно медленно вызревает иная, новая «научная рациональность»; именно о ней - философско-методологические искания последних десятилетий... И, по нашему убеждению, ее становление невозможно без удержания и углубления ключевых смыслов бахтинского диалогизма. Много для этого сделано, но важно снова вдумываться в них, не спеша «приложить к делу» отдельные афористичные высказывания мощного мыслителя, но и не считая его наследие освоенным и оставшимся позади, в прошлом веке, а стараясь услышать, что он говорит именно нам - здесь и сейчас.

1. Диалог как онтологическая универсалия

«Быть – значит общаться диалогически... Все – средство, диалог – цель» [2, 53]. В этих знаменитых формулах из «Проблем творчества Достоевского» (1928) Бахтин определяет не только главную художественную установку русского писателя, но и начала собственной философии, складывающейся как ответ на острейшие проблемы жизни и культуры первой трети XX в. Принципиально важно, что анализ литературных явлений здесь порождает именно *универсальные* определения бытия. Без этого возведения в философско-онтологический статус, как «частное» явление (языковое, литературное, психологическое...), диалог - уже не бахтинское понятие. На практике непонимание этого оставляет за диалогом значение лишь *средства*, «технологии» (педагогической, психотерапевтической, политической...) - что само по себе не страшно, но к методологии человековедения касательства не имеет. Ведь, согласно приведенным словам, «диалогическое общение» универсально (всеобще) именно как *цель*, регулятивная идея человеческого бытия – извечная, но с особой силой осознаваемая и актуализирующаяся в культурно-исторических перипетиях Новейшего времени. Именно поэтому Бахтин, открывая (а отчасти, как не раз замечалось, *творя*) «своего Достоевского» на рубеже 20-х - 30-х гг. XX в., говорит о пророческих открытиях русского писателя. Позже, в заметках к переработке книги, он определяет эти «три открытия» так:

«...Полнокровное и полнозначное чужое сознание, не вставленное в *завершающую* оправу действительности... Это чужое сознание не вставляется в оправу авторского сознания, оно раскрывается как *вне и рядом* стоящее, с которым автор вступает в диалогические отношения... Он не может их завершить, ибо он открыл то, что отличает личность от всего, что не есть личность. Над нею не властно бытие. (...)

Второе открытие – *изображение* (точнее, воссоздание) *саморазвивающейся* идеи (неотделимой от личности). Идея... раскрывается не в плане системы (философской, научной), а в плане человеческого *события* (...).

Третье открытие художника – диалогичность как особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями.

Все три открытия, в сущности, едины: это три грани одного и того же явления» [3, 326 - 327].

Это явление - несомненно, *диалог*, сущность которого в полной мере раскрывается лишь в триединстве приведенных определений. Важно, что диалогические отношения не тождественны любой эмпирии общения, взаимодействия индивидов, это – пронизывающая их идеальная *интенция*, «сгущенная» Достоевским в художественную модель мира и «достроенная», философски артикулированная Бахтиным. В жизни же – особенно современной – мощно действуют и противоположные тенденции, обобщенно определяемые им как «монологизм». Поэтому, кстати, неправомерны упреки Бахтину и его последователям в «сведении всего к диалогу». С другой стороны, регулятивная идея диалогических отношений позволяет, помимо прочего, построить типологию форм, «жанров» реального общения в зависимости от того, являются ли они ступенями фило- и онтогенетического развития диалогической установки, ее редуцированными («превращенными») формами или же ее монологическими антиподами.

Но, конечно, не только этим важен для психологии акт универсализации идеи диалога у Бахтина (как и у других философов-диалогистов XX века – достаточно вспомнить М.Бубера и близких ему мыслителей кружка «Пламя», экзистенциалистскую рефлексию К.Ясперса и Г.Марселя, герменевтику Г.Гадамера и П.Рикера, концепции Э.Левинаса и ряда французских философов структуралистской ориентации, немецкую школу «коммуникативной философии», а у нас – Семена Франка, Алексея Ухтомского, Германа Батищева, Владимира Библера...). Здесь потенциально содержится философско-методологическое основание целостной модели психической жизни – та существенно новая «идея человека», без которой, как замечал Л.С. Выготский, не возникло ни одно сколько-нибудь значительное направление в научной

психологии. Вот как разворачивается эта идея в раннем варианте книги о Достоевском: «...Человек у Достоевского есть *субъект обращения*» [2, 53]; «...“глубины души человеческой”... раскрываются только в напряженном общении» [Там же]. И в более поздней формулировке: «Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть *глубочайшее общение*» [3, 330; выделено Бахтиным. – С.К.].

Итак, человек здесь определен через *общение* как проявление фундаментального свойства *обращенности* - незамкнутости, «незавершимости» (еще одно ключевое понятие Бахтина!), трансценденции, нетождественности себе. Последовательно держаться этого – значит понять психическую жизнь как одну из сторон (форм осуществления) диалогических отношений. В этом смысле любое изучение «внутреннего человека» (выражение Достоевского, повторяемое Бахтиным) будет *психологией диалога*. В свете этой установки вернемся к «трем граням» человеческого бытия как диалога, выделенным Бахтиным в ранее приведенном фрагменте и детально описанным в других его работах.

2. Диалог и личность

Диалог для Бахтина – если подытожить его мысли разных лет - составляет *природу и строение индивидуального сознания, самосознания*: «...В каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему. Вне этой живой обращенности к себе самому и к другим его нет и для себя самого» [2, 153]. Лишь здесь человек «впервые становится тем, что он есть» [там же], конституирует и раскрывает себя как *личность*, над которой – по приведенному ранее определению - «не властно бытие», т.е. как субъект самодетерминации, свободного самоопределения по отношению к действительности. Внешний план диалога для Бахтина неотделим от внутренней жизни индивида, и это ориентирует научную мысль на сущностное единство психологии общения и психологии личности, сознания, мышления. Иными словами, изучение индивидуальной психики не вправе игнорировать ее

«внутреннюю социальность», а с другой стороны, любые исследования межиндивидуального и группового общения неполны и лишены прочного методологического фундамента без построения *диалогической модели внутренней жизни*.

Исходные принципы этой модели также можно обнаружить у Бахтина – и в обоих вариантах книги о Достоевском, и в текстах 50-х – 70-х гг. По большому счету, обозначенная им «проблема внутреннего диалогизма» и полвека спустя остается неосвоенным «передним краем... гуманитарного мышления» [3, 315]. В психологии преобладают концепции, не учитывающие идею внутреннего диалога или прямо несовместимые с ней. Поскольку это не всегда осознается самими исследователями, стоит вспомнить высказывания, наиболее отчетливо и заостренно выражающие бахтинское видение диалогичности сознания, всей внутренней жизни человека: «И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность...» [3, 330]. У человека нет внутренней и суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*; [Там же; выделено Бахтиным. – С.К.]. «Никакие человеческие события не развертываются и не совершаются в пределах одного сознания... Одно сознание – противоречие в понятии... Сознание по существу множественно» [3, 331]. На наш взгляд, трудно переоценить методологическую продуктивность, актуальность этого представления о душевной жизни как о сплошной внутренне-внешней «границе», месте взаимообращенности, взаимоопределения, «напряженной встречи» разных интенций, способностей, психических актов. Именно при таком подходе они предстают как самобытные целостные «единицы», которые требовал исследовать еще Л.С. Выготский в противовес анализу «элементов», традиционному (и поныне не до конца преодоленному) функционализму позитивистской психологии. Можно лишь радоваться и тому, что идеи полисубъектности личности (психики),

«множественности Я» становятся фундаментальными для ряда современных психологических концепций – правда, чаще всего без отсылки к Бахтину, к философии диалога в целом...

Процитированные поздние заметки к переработке книги о Достоевском перекликаются с трактатом 20-х гг. «Автор и герой в эстетической деятельности». Согласно построенной здесь концепции эстетического отношения, основанного на феномене вневходимости, само целое внутренней жизни индивида – «душа» - конституируется любящим, оправдывающим взглядом «другого», предстает как его «дар»: «Изнутри меня самого души как данного, уже наличного во мне ценностного целого нет, в отношении к себе самому я не имею с ней дела... Моя протекающая во времени внутренняя жизнь не может для меня самого уплотниться в нечто ценное, дорогое, долженствующее быть убереженным и пребыть вечно... душа нисходит на меня, как благодать на грешника, как дар, незаслуженный им и неожиданный...» [3, 96]. «Там, где другой изнутри себя отрицает себя, свое бытие-данность, я со своего единственного места в событии бытия ценностно утверждаю и закрепляю отрицаемую им наличность свою... и этим я впервые рождаю его душу в новом ценностном плане бытия...» [3, 120]. Ключевой для психологии здесь является не только мысль о диалогическом общении как истоке психики, движущей силе психогенеза, но и то, что самосознание формируется как способность к самоотстранению, обретаемая в подлинном диалоге с другими. Это дает возможность не просто декларировать решающую роль общения в становлении личности, но конкретно осмыслить взаимосвязь между развитием межиндивидуальных отношений в онтогенезе и формированием психики как внутреннего «микросоциума».

3. Внутреннее и внешнее общение: логика взаимоопределения

Уже в книге о Достоевском Бахтин дает образцы тончайшего анализа не только реплик героев, но и их речи к себе, внутреннего «микродиалога». Его развертывание определяется всеприсутствием «чужого слова» воображаемого

собеседника с его резко отличной интонацией, словарем, синтаксисом. Спор с ним, постоянное «напряженное противостояние» – стержень внутренних монологов героев Достоевского. Этот «авторитетный» собеседник – активный участник психической жизни индивида, - очевидно, соединяет в себе черты, «голоса» реальных людей и в то же время представляет собой обобщенно-символический образ - носителя определенной «идеи», отношения к миру. Именно перед его лицом - в процессе перехода внешнего общения во внутренний спор по «последним вопросам бытия» (собственно мышление) и «обратного» воплощения идеи в слове к другому, в переопределяющем поступке - осуществляется самоопределение «героев-идеологов» Достоевского. Напомним, одна из «граней» диалога по Бахтину - саморазвитие персонализированной идеи, осуществляемое - как видим теперь - именно во взаимопереходе, взаимоотражении внутреннего и внешнего общения (речи), в процессах интериоризации и экстериоризации... И феноменологический, литературоведческий анализ, по-видимому, очерчивает фундаментальный механизм этого взаимоопределения внутреннего и внешнего плана человеческого бытия как диалога: «Два героя всегда вводятся Достоевским так, что каждый из них интимно связан с внутренним голосом другого... Поэтому в их диалоге реплики одного задевают и даже частично совпадают с репликами внутреннего диалога другого. Глубокая существенная связь или частичное совпадение чужих слов одного героя с внутренним и тайным словом другого героя - обязательный момент во всех существенных диалогах Достоевского» [2, 156].

Очевидно, подлинно диалогическим является такое общение, при котором возникает описанный здесь «резонанс» воспринимаемой реплики собеседника и собственного «тайного слова» - еще не выговоренной вслух, недооформленной в речи и не до конца осознанной мысли. Психологический смысл этой коллизии в том, что чужое высказывание так или иначе способствует кристаллизации, амплификации своего – в качестве ответной реплики другому и/или себе как другому. Видимо, Бахтин, не пользуясь прямо

понятием внутренней речи в ее оппозиции внешней, учитывал данные современной ему психологии; в частности, не раз отмечались параллели между его анализом и эвристическими представлениями Л.С. Выготского о «совершении мысли в речи». Бахтинская мысль здесь как бы восполняет чисто психологический анализ Выготского: превращение внутреннеречевых интенций в грамматически оформленные высказывания, несомненно, происходит именно «навстречу» реплике внешнего (или интериоризованного) другого. Можно предварительно выделить основные типы взаимоотношений между внешней и внутренней «репликами»:

1. Внешний собеседник высказывает суждение, близко совпадающее с одной из внутренних интенций, тем самым утверждая объективную значимость последней, «восполняет» ее (если вспомнить ключевую категорию «Автора и героя») завершенной внешней формой. Разумеется, сходство мыслей может на деле быть поверхностным, обманчивым; слишком поспешное «узнавание» своей созревающей мысли в чужом высказывании может подменить самостоятельное *мышление*. Его условием, как можно предположить, является регулярная «подпитка извне» (актуализация) не одного, а *разных* видений одного предмета, альтернативных идей, имплицитно живущих в сознании.

2. Чужое утверждение активизирует внутренний «антитезис», амплифицирует *возражение* – интенцию внешнего и/или внутреннего спора, являющегося, по Бахтину, сущностной формой «развития идеи»; при этом, разумеется, отрицание «с порога» чужого высказывания может быть так же непродуктивно, как и безоговорочное принятие. Подлинный внутренний диалог – эмоционально и интеллектуально напряженный, стержневой для становления и бытия личности – возникает, видимо, там, где я возражаю не абсолютно чуждому, но в чем-то глубинно-близком мне тезису – «согласен-несогласен» с ним.

3. Вопрос собеседника коррелирует с «вопросительностью», созревающей в сознании реципиента, и, «сосредоточивая» ее в реплику к себе, опять-таки стимулирует размышление как внутренний обмен суждениями.

4. Чужой вопрос «с порога» наталкивается на готовый ответ или так же мгновенно отвергается как неправомерный, бессмысленный и т.п.; в таком случае, видимо, нет стимула для мышления как внутреннего диалога - реплика другого лишь помогает утверждению в своем мнении, позиции, и общение не обретает устойчивого внутреннего плана.

Конечно, к этому не сводится многообразие отношений чужого высказывания с «активным ответным пониманием» реципиента (еще одна важная категория позднего Бахтина) – с тем активизирующимся в его сознании и подсознании «челноком» внутренней и внешней речи, который, в частности, глубоко проанализировал В.С. Библер [5, 314 - 327]. Важно одно: внешний и внутренний планы диалога - собственно межиндивидуальное общение и мышление как «молчаливая беседа души с самой собой» (Платон) - составляют единый континуум, развиваются в непрерывной взаимной «проекции». Детальное же раскрытие этих – по слову современного методолога науки Э.Морена - «сверхсложных», парадоксальных отношений, на наш взгляд, было бы равнозначно целостному описанию развития и функционирования человеческой психики. Контуры такого описания фактически и намечает Бахтин. Но, как мы помним, для него непосредственное общение индивидов и мысленный диалог с самим собой есть одновременно порождение, развитие, взаимодействие *идей* - непреходящих, универсальных «смыслов» (ценностно-смысловых интенций) в «большом времени» человеческой культуры. Какова же конкретная логика связи, взаимоперехода между этими ипостасями диалога?

3. Диалог и культура

Итак, в диалоге сталкиваются присущие индивидам как личностям разные «смысловые позиции по последним вопросам бытия» [2, 54]. Но уже в «Проблемах творчества Достоевского» (и еще отчетливее - в поздних работах и заметках) показано, что эти позиции отражают, преломляют ценностно-смысловые интенции разных эпох, культур - уникальные и в то же время общие (в пределе – всеобще-человеческие). Бахтинский анализ широчайшего круга

явлений мировой литературы обнаруживает, что эти интенции, проблемы, идеи наиболее интенсивно, концентрированно выражаются в вершинных произведениях культуры каждой эпохи. И поскольку взаимодействие с ними так или иначе составляет неотъемлемую сторону жизни и развития любого индивида, именно здесь можно увидеть искомый мост между диалогикой становления и самоосуществления личности (творения ею себя и окружающей действительности) и общечеловеческим диалогом на уровне произведений, составляющим для Бахтина сущность культуры. Именно культура как развивающееся ценностно-смысловое целое является реальным пространством диалогического общения, отражаясь и по-новому осуществляясь в каждом атоме подлинно человеческих отношений индивида с другими и с самим собой. Диалог есть со-бытие людей в культуре как сфере произведений, в силовом поле творения смыслов и ценностей, есть диалог культур – так доопределяет, сосредоточивает смысл бахтинской концепции В.С. Библер [5].

Но в поздних работах Бахтина осуществляется и обратное движение мысли: сама культура есть не только создание произведений и взаимодействие с ними читателей, зрителей, слушателей, но и в первую голову общение между произведениями. Они выступают, как уже говорилось, «сгустками» ключевых смыслов той или иной эпохи; особенно четко и сосредоточенно говорится об этом в известном бахтинском интервью редакции «Нового мира»: «Произведения той или иной культуры часто... разбивают рамки своего времени, живут в большом времени... Единство определенной культуры – это открытое единство... В каждой культуре заложены огромные смысловые возможности, которые остались нераскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры... Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим смыслом; между ними начинается как бы диалог [выделено Бахтиным. – С.К.], преодолевающий замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической

встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [3, 351 - 354].

Таков механизм существования и развития культуры: она всегда есть *диалог* различных культур – этнонациональных или региональных, локальных, исторических, социально-групповых, наконец, уникально-индивидуальных. Круг взаимоопределения двух фундаментальных категорий бахтинской философии замыкается, и можно согласиться с еще одним наблюдением Библера: «Все размышления Михаила Бахтина о культуре имеют один смысл – диалог... Все размышления Бахтина о диалоге имеют один смысл – культуру» [4, 95]. Но место этого взаимозамыкания, встречи этих феноменов – внутренняя жизнь индивида, существующего «в горизонте личности» [5, 423 - 424]. Индивидуальная психика в каждом моменте предстает (в пределе, в имманентной ей интенции) как акт внутренне-внешнего диалогического общения и акт бытия в культуре.

Таково двуединое определение предмета психологии, вызревающее на острие бахтинской мысли. Правда, обнаружить эту логику творчества Бахтина, можно лишь увидев его мысль как целое - с позиции «автономной причастности», если вспомнить его же выражение. Надо именно *логически* осмыслить живую феноменологию взаимоотношений основных идей, понятий бахтинской философии и «эстетики словесного творчества». Такую рефлексивную интерпретацию, оказавшуюся одной из самых плодотворных Бахтина за последние десятилетия, осуществил один из самых значительных философов конца XX в. - Владимир Библер. Его философская логика культуры, или концепция диалогического разума, выстраивавшаяся в бахтинском пафосе «согласия-спора» с мыслью старшего современника, - именно развернутое логическое и онтологическое взаимоопределение диалога и культуры. Бытие человека здесь понято – в развитие традиции Бахтина - в триединстве (1) становления личности как субъекта самодетерминации, (2) внутреннего диалога и (3) общения на уровне произведений, идей – в «большом времени» культуры

[5]. Таковы общие контуры «идеи человека», дальнейшая разработка которой может, по нашему убеждению, оказаться насущной для построения новой, адекватной вызовам современности методологической парадигмы научной антропологии.

4. Диалог как методология

Однако намеченное выше понимание *предмета* психологии требует соответствующего переопределения ее *метода*. Отнестись к носителю индивидуальной психики как к субъекту диалога культур, то есть источнику-автору своих внутренних «сущностных сил»-способностей, идей, характера, всей своей психологии, – это и значит, по слову Бахтина, говорить не только о человеке, но и с ним самим. Об этом же – сжатые формулы его поздних заметок, представляющих в своей совокупности до сих пор не реализованный проект развития человековедения: «Мы как бы заставляем человека говорить... Повсюду действительный или возможный текст и его понимание. Исследование становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом...» [3, 309]; «Необходимость свободного самооткровения личности... Вопрос задается здесь познающим не себе самому и не третьему в присутствии мертвой вещи, а самому познаваемому. Значение симпатии и любви. Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения. Здесь познание направлено на индивидуальное» [1, 515]. И, наконец: «Предмет гуманитарных наук – *выразительное и говорящее* бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении... Бытие целого, бытие человеческой души, раскрывающееся свободно для нашего акта познания, не может быть связано этим актом ни в одном существенном моменте...» [Там же, 516].

Развитие психологии и социально-гуманитарных наук последних десятилетий делает эти давно высказанные мысли все более близкими нам, чуть ли не тривиальными, стирая их первоначальную остроту и парадоксальность. Но как бы часто ни повторялось теперь нечто подобное, мы далеки конкретного

осуществления этих принципов – в целостном ли понимании психики, которое должно стать диалогическим сопряжением разных культур психологического мышления, в каждом ли отдельном предметном исследовании... Эти высказывания по-прежнему предельно сосредоточенно выражают проблему, сверхзадачу раскрытия сложнейшей логики «несчерпаемого в своем смысле и значении» «внутреннего ядра» личности. А стало быть, диалог в понимании Бахтина и наш диалог с Бахтиным в самом деле насущен, незавершен, остается впереди...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. - М.: Худ. лит., 1975.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М.: Алконост, 1994.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1976.
4. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.
5. Библер В.С. На гранях логики культуры. – М.: Рус. феном. общ., 1997. – 440 с.
6. Васильева И.И. О значении идей Бахтина о диалоге и диалогических отношениях для психологии // Психологические исследования общения. Под ред. Б.Ф.Ломова и др. - М.: Наука, 1985. - С. 81-93.
7. Казаринова Н.В. Теория межличностного общения как междисциплинарное знание // Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – С. 12- 29.
8. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001. - С. 27 – 39.
9. Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А. Проблема общения и детерминация психического в работах советских психологов. // Общение и развитие психики. Сб. науч. трудов / Под ред. А.А.Бодалева, Г.А.Ковалева. - М.: Изд-во АПН СССР, 1986. - С. 7 – 21.

10. Кучинский Г.М. Диалог и мышление. - Минск: Изд-во БГУ, 1983. - 190 с.
11. Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. - Минск: Университетское, 1988.
12. Ломов Б.Ф. Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. - М.: Наука, 1975. - С.106 – 123.
13. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. - М.: Политиздат, 1982. - 255
14. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. - Ростов- на – Дону: Изд-во « Феникс», 1996.
15. Петровский А.В. М.М.Бахтин, Ф.М.Достоевский: психология вчера и сегодня. - Вестник МГУ, серия 14. Психология, 1985. - № 3, С.56 - 59
16. Розин В.М. Психология: теория и практика. - М.: Изд. Дом “Форум”, 1997.
17. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. - М.: Институт психологии АН СССР, 1991.
18. Флоренская Т.А. Психологические проблемы диалога в свете идей М.М.Бахтина и А.А.Ухтомского // Общение и развитие психики. Под ред. А.А.Бодалева. - М.: Изд-во НИИ ОПП АПН СССР, 1986. - С. 21 - 31.
19. Хараш А.У. «Другой» и его функции в развитии «Я» // Общение и развитие психики. Под ред. А.А.Бодалева. - М.: Изд-во НИИ ОПП АПН СССР, 1986. - С. 31-46.

Сведения об авторе: Копылов Сергей Олегович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины, Украина, Киев. Тел.: (044) 483-49-73, 8-067-726-37-39; e-mail: skopylov@gala.net.